

И.Л. Друкаров

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Юридический институт Алтайского государственного университета, г. Барнаул

В главе 41 раздела X Уголовно-процессуального кодекса РФ установлен особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Согласно ему, если дело будет рассмотрено в этом порядке на основании ч. 7 ст. 316 УПК РФ, и судья установит, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Таким образом, в законе появилось еще одно основание для ограничения срока или размера наказания. Однако возникает вопрос, можно ли согласно УПК РФ изменить предел назначаемого наказания? В данном случае законодатель отступил от требования ст. 3 УК РФ, что наказуемость преступного деяния определяется только Уголовным кодексом РФ.

Представляется, что поскольку особый порядок судебного разбирательства и назначения наказания разрешает осуществить сделку между правосудием и подсудимым и устанавливает для подсудимого специальную льготу при условии признания им своей вины, эта льгота должна иметь правовое регулирование не в процессуальной норме, а в Уголовном кодексе РФ. В противном случае она в соответствии со ст. 3 УК РФ не подлежит применению. В соответствии со сказанным следует внести в УК РФ новую статью, указав в ней, что при рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства, наказание за совершенное преступление не может превышать $2/3$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

В судебной практике применения особого порядка судебного разбирательства возникла ситуация, когда осужденный по совокупности преступлений потребовал применения ч. 7 ст. 316 УПК РФ об ограничении наказания за все преступления, за которые он осужден, чтобы предел назначенного наказания, предусмотренный ч. 3 ст. 69 УК РФ (максимальный срок окончательного наказания не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы,

предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений) не превышал $2/3$ от максимального срока, установленного по УК РФ.

Данное требование осужденного основывалось на том, что суд г. Рубцовска, рассмотрев 2 ноября 2004 г. его уголовное дело в особом порядке судебного разбирательства, применил принцип частичного сложения и осудил за 14 эпизодов преступлений, квалифицируемых по каждому эпизоду по ч. 3 ст. 158 УК РФ, к 7 годам лишения свободы по совокупности преступлений.

При этом базовой мерой наказания, по совокупности преступлений, квалифицируемых по ч. 3 ст. 158 УК РФ, было 9 лет лишения свободы (6+3), а наказание за каждое преступление было назначено судом 3 года 6 месяцев лишения свободы. Осужденный, считая, что предельным наказанием по совокупности преступлений может быть только 6 лет лишения свободы ($2/3$ от 9), обратился с жалобой в прокуратуру. Прокуратура Алтайского края отказала заявителю в удовлетворении его просьбы о внесении представления, указав на необоснованность заявленных доводов, так как ограничение двумя третями срока относится к каждому из преступлений, а не ко всей совокупности. Это разъяснение, на наш взгляд является обоснованным.

Однако пример интересен еще и тем, что нередко случаи, когда происходит осуждение лица за многочисленные эпизоды преступлений, каждое из которых квалифицируется по отдельной статье УК РФ. В описанном выше случае лицо осуждено за 14 преступлений, и суд за каждое из них назначил определенный вид и размер наказания. При определении окончательного наказания суд был ограничен тем же пределом, установленным ст. 69 УК РФ, что и в случае, если бы наказание, например, было назначено только за два-три преступления.

Полагаем, что при рассмотрении данного дела оказался нарушенным принцип справедливости. Произошла реализация пословицы: «семь бед – один ответ», что фактически означало определенную безнаказанность преступника.

К этому следует добавить, что здесь есть еще один отрицательный момент. Для некоторых недобросовестных работников правоохранительных органов, ответственных за раскрываемость преступлений, может возникнуть соблазн вступить в «сделку» с обвиняемым и «повесить» на него преступле-

ния, которые им не совершались. За них он фактически не получит наказания, а недобросовестные работники, благодаря такой «делке», смогут создать видимость благополучия с раскрытием преступлений.

К сказанному следует добавить, что ст. 314 УПК РФ позволяет в особом порядке рассматривать уголовные дела о преступлениях обвиняемого, за которые наказание не превышает 10 лет лишения свободы. Это положение сложившаяся судебная практика толкует таким образом, что ограничительная санкция (10 лет) касается каждого преступления, а не совокупности преступлений, хотя в норме статьи сказано *о преступлениях*, а не об отдельном преступлении. Позволяет ли данное ограничение рассматривать дела о нескольких преступлениях, санкции за которые в своей совокупности будут значительно выше? Думается, что нет. Если рассматривать норму так, как она сформулирована в ст. 314 УПК РФ (что 10 лет – это максимальная сумма совокупности санкций за несколько преступлений (за которые в общей сложности не может быть

назначено свыше 10 лет лишения свободы)), то все выглядит иначе.

Если суд рассматривает уголовное дело о нескольких преступлениях, совершенных обвиняемым, а в своей совокупности наказание, угрожающее подсудимому, может иметь больший предел, чем 10 лет, суд не вправе рассматривать такое дело в особом порядке судопроизводства. В особом порядке судебного разбирательства можно рассматривать только те дела, где угрожающие санкции за несколько преступлений по максимуму не превышают в совокупности 10 лет лишения свободы. При таком подходе все ставится на свои места и нет лазеек для вменения тех преступлений, которых обвиняемый не совершал. Обвиняемый в этом не будет заинтересован.

Сказанное выше требует, чтобы Верховный Суд РФ сделал по этому поводу необходимые разъяснения, что при особом порядке судебного разбирательства могут рассматриваться дела о преступлениях, за совершение которых *по совокупности* может быть назначено лишение свободы не более десяти лет лишения свободы.

С.А. Елисеев

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Юридический институт Томского государственного университета

Изучение литературных, документальных источников показывает, что в царской России имущественные преступления издавна составляли значительный пласт совершаемых преступлений.

Об этом говорят как памятники российского уголовного законодательства, предусматривавшие строгое наказание за совершение разного рода преступлений против собственности, так и иные документальные свидетельства. Так, о распространенности в Московском царстве насильственного захвата чужого имущества свидетельствует Губная Белозерская грамота 1539 г., Уставная книга Разбойного приказа [1, с. 47, 110; 2, с. 17–18; 3, с. 435–437]. О повсеместных преступлениях против собственности в XVII–XVIII вв. писали современники [4, с. 10–11; 5, с. 18–19, 6, с. 505–508].

Достаточно высоким удельным весом обладали имущественные преступления в первой половине XIX в. Так, в Российской империи в 1827–1846 гг. по судебным приговорам в Сибирь было сослано 79 846 человек, 60 % из них – имущественных преступников; воры и мошенники составили 4/5; грабители и разбойники – 1/10; «зажигатели» (поджигатели чужого имущества) – 1/25; «святотатцы» (похитители церковного имущества) – 1/33; расстратчики казенного имущества – 1/300. На долю

женщин в общем числе сосланных за имущественные преступления приходилось 13.2 %. Абсолютное большинство женщин (82.8 %) было судимо за воровство и мошенничество [7, с. 20–25]. Заметная часть сосланных имущественных преступников совершила преступления в сравнительно молодом возрасте. Так, среди мужчин, осужденных за разбой и грабеж, почти каждый второй был в возрасте от 21 года до 30 лет (43 %). На возрастную группу в 16–20 лет пришлось 6.8 %; 28.4 % составили лица в возрасте от 31 года до 40 лет; 21.8 % – лица старше 40 лет. У женщин, осужденных за эти преступления, соотношение названных возрастных групп было несколько иным: преступницы в возрасте 16–20 лет составили 5.4 %; преступницы в возрасте от 21 года до 30 лет – 37.5 %; в возрасте 31 год – 40 лет – 39.3 %; на долю женщин старше 40 лет приходилось 17.8 % [8, с. 41].

По наблюдениям Е.Н. Анучина, во всех сословиях, за исключением духовного, воровство было «самой обыкновенной причиной» ссылки. «Между дворянами, купцами, мещанами и государственными крестьянами на эту категорию приходилось, – писал он, – немного более или немного менее 1/2 всего числа ссыльных». Е.Н. Анучин также установил, что «наибольшей пропорцией» среди сослан-